

В. Г. ТУР

НОРМЫ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЫМСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ XIX ВЕКА

В последние два десятилетия наметился интерес исследователей к изучению истории религиозных организаций и, прежде всего, православной церкви, доминирующей по числу прихожан как в Украине в целом, так и в Крыму. К сожалению, среди современных публикаций научные труды занимают небольшой процент. В основном это многочисленные переиздания дореволюционных церковных произведений или их современная интерпретация, работы публицистического характера. Незначительное число публикаций лишь косвенно посвящены анализу церковного права и правовому положению православной церкви в государстве. Причем обычно авторы публикаций ограничиваются оценкой роли Синода в реформированной структуре российского госаппарата XVIII–XIX веков.

В целом понимание термина «церковное право» до настоящего времени остается предметом дискуссии философов и юристов. В то же время в русской православной церкви утвердилась традиция выделять внутреннее (регулирующее внутреннюю жизнь Церкви) и внешнее (регулирующее отношение Церкви с общественными и политическими организациями) церковное право. К последнему относится государственное законодательство по церковным делам, признанное церковью [31, с. 15, 35]. В настоящей работе, опираясь на архивные материалы и анализ отдельных публикаций, мы рассмотрим действие отдельных положений внешнего церковного права в структуре российских православных монастырей XIX в. на примере Таврической губернии.

К моменту присоединения Крыма к России в 1783 г., по словам протоиерея А. Лебединцева, «Крым, который мы добыли, не был христианский, а мусульманский» [20, с. 206]. С выводом христиан в 1778 г. православная церковь Константинопольского патриархата окончательно потеряла свои позиции на полуострове. Православные приходы, численность которых на рубеже XVIII–XIX вв. постепенно росла за счет переселенцев и военнослужащих,

входили в состав уже Московской патриархии. Законодательные акты Петра I, Петра III, Анны Иоанновны и Екатерины II существенно ограничивали рост приходов. Русская православная церковь в целом, после секуляризации земель и имущества, оказалась в полной зависимости и на содержании государства. Даже право регулировать численность клириков (священно- и церковнослужителей) принадлежало главе государства. Основание монастырей вообще не приветствовалось светскими властями [31, с. 185]. Для этого также требовалось особое императорское разрешение. Окончательное закрепление церкви в светской структуре управления было зафиксировано Духовным регламентом, который с небольшими дополнениями действовал до 1917 г. [19, с. 22-24; 24, т. 6, № 3718]. Одновременно расширение территории империи и, как следствие, включение в число подданных представителей неправославных вероисповеданий, требовали пересмотра отношения к лицам с иными религиозными убеждениями. В 1773 г. был принят Закон о терпимости вероисповедания, что наряду с Манифестом 1783 г. «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу» на десятилетия создало условия для сохранения доминирующего влияния ислама на население Крыма [24, т. 19, с. 775, № 13996; т. 21, с. 898, № 15708].

Не считая кратковременной лояльной для церкви политики Павла I, в конце XVIII – начале XIX вв. вмешательство государственного аппарата в деятельность церковных институтов усиливается. В 1803 г. обер-прокурор Синода был непосредственно подчинен императору, устанавливались штатные оклады священнослужителям [17, с. 151-152]. В целом же реформирование церкви, процесс сращивания церковных и государственных институтов, включая систему образования, был завершен в правление Николая I [19, с. 33-36].

Только в середине XIX в., на фоне экономического и политического кризиса в России, намечается обратный процесс расширения влияния православных церковных институтов в государстве. Немаловажное значение имели и изменения в составе Синода. А.П. Толстой, назначенный обер-прокурором в 1856 г., занимал консервативную позицию в вопросах проведения буржуазных реформ, а в церковной политике стремился к расширению самостоятельности и влияния Синода на светскую власть. Его преемники в должности обер-прокурора, А.П. Ахматов, Д.А. Толстой и К.П. Победоносцев, на общем фоне расширения влияния церковных институтов в государстве, их воспитательной и идеологической функции в формировании народного мировоззрения, однозначно придерживались представления о первенствующей роли государства в делах церкви. При этом следует отметить, что высшей степени бюрократизации и слияния с государственным аппаратом управления российская православная церковь достигла при К.П. Победоносцеве [1, с. 32-36]. Именно с середины XIX в. начинается восстановление и строительство приходских

храмов, а также учреждение монастырей в Крыму, инициированное известным церковным и политическим деятелем, архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием [29, с. 78-80]. Что же представляли собой учрежденные крымские православные монастыри, действовавшие в рамках сложившегося церковного права?

Православные монастыри делились на общежительные и необщежительные, штатные и заштатные. Все возникшие во второй половине XIX в. крымские обители относились к общежительным, т.к. в русском православии они признавались «более высокой формой иноческой жизни» [23, с. 34, ст. 23]. Отличительной чертой общежительных обителей является то, что все необходимое братия получает от монастыря, а свой труд по священнослужению и послушаниям, по назначению настоятелей, предоставляет в его пользу. Все монашествующие не имеют права располагать собственностью. Причем, начиная с 1865 г. жизнь всех новых монастырей Российской империи строилась на началах общежития [31, с. 186].

Из восьми крымских монастырей¹ только два (Херсонесский св. Владимира и Балаклавский св. Георгия) имели статус штатных монастырей с установленным жалованием. Херсонесский, открытый как общежительная заштатная киновия, только в 1861 г. получил статус штатного монастыря 1 класса. Утвержденная численность первоначально составляла всего 22 единицы, и число проживающих в монастыре до 1899 г. фактически никогда не превышало этой цифры. В то же время, согласно «Духовным штатам», изданным еще Екатериной II 26 февраля 1764 г. [24, т. 16, с. 549-570, № 12.060], в мужских монастырях первого класса предполагалось наличие 33 монахов. Особый статус имел Балаклавский монастырь св. Георгия. 23 марта 1806 г. он становится базовым для иеромонахов Черноморского флота, в 1833 г. обитель была взята на флотское содержание. Причем еще с 1800 г. военное духовенство было обособлено от епархиального и через обер-священника подчинялось Святейшему Синоду. После присвоения монастырю св. Георгия статуса I класса в 1850 г. и с увеличением штатной численности флотских иеромонахов число братии было приведено в соответствие. С развитием флота и военных баз на Черноморском побережье штат иноков, несущих службу в гарнизонах и приписанных к обители, их обязанности вплоть до Крымской войны определялись «Уставом Военного Флота» 1797 г., который в части деятельности священнослужителей ничем не отличался от «Морского Устава» 1720 г. [29, с. 103-105].

Остальные монастыри Крыма (Успенский, Козьмо-Дамиановский, Инкерманский, Катерлезский, Кизилташский и Троице-Параскевиевский) относились

---

¹ Балаклавский св. Георгия, Херсонесский св. Владимира, Инкерманский св. Климента, Бахчисарайский Успения Богоматери, Катерлезский св. Георгия, Кизилташский св. Стефана Сурожского, монастырь св. Козьмы и Дамиана, Топловский Троице-Параскевиевский.

к разряду заштатных. Основным их отличием от штатных обителей являлось то, что иноки не получали жалованья и существовали на доходы от священнослужения, личного труда братии, торговли «благодатью», кружечных сборов и иных пожертвований. Впрочем, по мнению Н.М. Никольского, казна православных обителей никогда не пустовала [22, с. 407].

Внутренняя жизнь крымских монастырей, равно как и всех православных обителей Российской империи, регламентировалась в целом церковными и, в частности, монастырскими уставами. В основном церковные уставы опирались на решения семи Вселенских и ряда поместных соборов, решения Святейшего Синода с учетом российского законодательства и в незначительной степени ориентировались на местные условия и традиции. Монастырские уставы, с одной стороны, не противоречили общецерковным правилам и решениям Синода, с другой, во многом копировали древний Иерусалимский устав.

Все три основных типикона, или устава, признанных в православии: Палестинский или Иерусалимский св. Саввы Освященного (ум. 532 г.), Константинопольский или Студийский св. Феодора Студита (ум. 826 г.) и Афонский св. Афанасия (ум. 1001 г.) очень близки друг другу и фактически строятся на основе уставов Пахомия и Василия Великих [30, т. I, с. 732]. Собственно типикон Саввы Освященного был утерян и восстановлен Иерусалимским патриархом св. Софронием, дополнен в VIII в. Иоанном Дамаскиным и Козьмой Маюмским. На протяжении веков Иерусалимский устав пополнялся песнопениями, уточнениями особенностей богослужения. В Киевской Руси первоначально получает распространение Студийский устав, но уже к XV в. в Северном Причерноморье и Руси он был окончательно вытеснен Иерусалимским [25, с. 254]. Тем не менее в российских монастырях использовались и некоторые положения Студийского, Афонского и других восточных уставов, т.к. в Иерусалимском дисциплинарной стороне уделялось недостаточно внимания. В целом по внутреннему устройству российские монастыри практически не отличались от монастырей православного Востока. Всесторонняя регламентация монастырской жизни была предпринята Стоглавым Собором [31, с. 184]. В синодальный период истории русской церкви, в связи с церковной реформой, претерпели изменения и некоторые положения монастырских уставов.

Положение монастырей в церковной структуре определилось еще на Халкидонском Вселенском Соборе (451 г.). В соответствии с четвертым правилом Собора [31, с. 175] православные монастыри были подконтрольны и подотчетны епископам и могли быть основаны только с его ведением. С ликвидацией патриаршего престола в России и созданием коллегиального органа – Святейшего Синода, после издания «Духовного регламента» 1721 г. монастыри, вместе со всей Русской православной церковью, оказались в структуре государственного аппарата. Петр I объяснил причину ликвидации

патриаршего престола следующим: «Понеже в единой персоне не без страсти бывает; к тому ж не наследственная власть, того ради вящше не брегут» [24, т. 6, № 3718]. Монастырская братия, наряду с государственными служащими, даже принимала присягу императору и его наследнику, т.е. на подданство и «верногражданство». В Государственном архиве АР Крым сохранился рапорт игумена Козьмо-Дамиановской киновии на имя благочинного от 26 ноября 1894 г., в котором сообщается о принятии такой присяги иноками и препровождении присяжного листа приставу [12, л. 23].

Более подробно монастырские правила и порядок принятия пострига регламентировались «Прибавлением к регламенту о правилах причта церковного и чина монашеского», изданном в 1722 г. Право решения вопросов о создании новых обителей передавалось Святейшему Синоду и непосредственно императору, т.к. «Император... именуется Главою Церкви» [28, Свод основных государственных законов, ст. 42], а «В управлении Церковью Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного» [28, там же, ст. 43]. Только в 1881 г. право учреждать новые монастыри было вновь возвращено епархиальным архиереям. Поэтому все крымские монастыри XIX в., учрежденные до 1864 г. включительно, создавались по ходатайству и представлению глав епархий решением Святейшего Правительствующего Синода, принимаемым на основании указов императора. Женские обители, созданные после 1881 г. на месте Катерлезской и Козьмо-Дамиановской киновий, также учреждались Св. Синодом на основании указов императора, а не архиепископом. В данном случае архиепископ мог открыть новый монастырь, но только император и Синод могли упразднить ранее учрежденные ими же мужские обители.

Общежительные монастыри управлялись архимандритами или игуменами. Права и обязанности их не отличались. В соответствии с Уставом еще Василия Великого настоятель избирался из числа братии [16, с. 276] и утверждался епархиальным епископом. Если достойной кандидатуры на пост настоятеля не было, он назначался архиереем [16, с. 276-283]. В синодальный период в России кандидатуры настоятелей, избранных только мантийной братией (причем в выборах не могли участвовать состоящие под следствием или себя опорочившие), по представлению архиерея утверждались Св. Синодом, а в штатные монастыри назначались епархиальным архиереем или Синодом [31, с. 182]. В обязанности настоятеля входил контроль за соблюдением монашеских обетов и правил, своевременным и благочинным совершением богослужений, надзор и организация хозяйственной деятельности. Наиболее важные вопросы он обязан был решать с братией. С другой стороны и инокам предписывалось безропотное подчинение игумену (архимандриту), который за непослушание имел право налагать наказания. Регулярно настоятель отчитывался перед епархиальным архиереем о жизни и хозяйственной

деятельности монастыря. В то же время об отсутствии должной дисциплины в обителях говорят рапорт иеромонаха Израиля и иные документы о беспорядках в Троице-Параскевиевском женском монастыре [11], Указы Таврической Консистории по Катерлезскому женскому монастырю [14, л. 22, 37] и Козьмо-Дамиановской мужской киновии [9, л. 17], не считая мелких актов неповиновения, с которыми игумены справлялись самостоятельно, лишь докладывая архиепископам о факте. В помощь настоятелю назначались должностные лица, утверждаемые по представлению игумена архиереем. На них возлагались функции духовника, эконома, казначея, благочинного, ризничного и при необходимости вводились иные должности, например, секретаря или делопроизводителя и пр. Они составляли духовный собор или совет, на котором решались наиболее важные вопросы [23, с. 33; 31, с. 183]. На период решения вопроса о настоятеле, архиереем мог назначаться в монастырь наместник, что часто имело место и в крымских монастырях. Однако в практике управления обителями на полуострове имело место необычное решение, когда во главе женского Троице-Параскевиевского монастыря решением архиерея 25 апреля 1877 г. оказался духовный совет во главе с монахиней Манефюю, которому предписывалось коллегиальное решение вопросов по управлению обителью [11].

С 1860 г. в Таврической епархии контроль за деятельностью монастырей, соблюдением обетов и нравственностью осуществляли благочинные, назначаемые епархиальным архиереем из числа наиболее достойных настоятелей. На них возлагались и функции проведения расследований нарушений, допускаемых братией, рассмотрение жалоб. В рапортах настоятелей, предоставляемых благочинным каждое полугодие, освещались следующие вопросы: численность проживающих в монастыре и сведения о вновь прибывших, соблюдение монастырских уставов и, в частности, правил литургии, сведения о дисциплинарных нарушениях, отчет о финансовых и иных материальных поступлениях, новых постройках и состоянии ранее имевшихся [8-15].

Пострижение в целом не требовало строгой богоугодной жизни в прошлом, как для кандидатов в священство. Необходимо было только искреннее покаянное настроение. Но при этом было необходимо соблюдение ряда условий. Вопреки 40-му правилу Трулльского Собора, допускающему пострижение в 10-летнем возрасте, в России в синодальный период государственное законодательство позволяло постриг для мужчин не ранее 30 лет, а женщинам – 40. Исключение делалось только для учащихся духовных семинарий и академий, а также овдовевших священников. Им разрешалось принимать постриг с 25 лет. Во всех остальных случаях ходатайства о пострижении в более раннем возрасте рассматривались только на уровне Синода и были исключением. Поэтому средний возраст братии в крымских монастырях, например, по отчетам Козьмо-Дамиановской киновии в 1893 г.

колебался от 50 до 56 лет. Возраст самого молодого из принявших пострижение – 45 лет. Только среди лиц, живущих в послушничестве и на испытании, средний возраст составлял 36-37 лет [12, л. 2, 11].

Для принятия пострига требовалось еще одно условие – трехлетнее предварительное послушническое испытание. В исключительных случаях время послушничества могло быть сокращено. Кроме того, согласно указу Святейшего Синода от 25 мая 1832 г. от послушнического искуса освобождались овдовевшие священнослужители и выпускники духовных учебных заведений. В крымских монастырях, по отчетам 1877-1878 гг., послушники составляли от 25% (Кизилташская киновия) до 67% (Инкерманская киновия), но обычно не превышали 30-50% от числа принявших пострижение. Это позволяло контролировать дисциплину в монастырях, вести должную религиозно-воспитательную работу. Остальная братия состояла из иноков, делящихся на 3 чина: рясофорных монахов, т.е. получивших черную монашескую рясу в залог будущих обетов монашества; действительных, или мантийных монахов, уже произнесших три установленных обета – послушания, целомудрия, нестяжательства и получивших при постриге мантию; и схимников, или схимомонахов, связанных обетом совершенного отречения от мира и человеческого общества.

Однако нарастающий экономический и политический кризис в Российской империи к концу XIX в. привел к резкому увеличению численности живущих в монастырях и ищущих пострижения как возможности выжить в экономически сложных условиях. В итоге в конце XIX – начале XX в. число послушников и находящихся на испытании часто значительно превышало количество рясофорных и мантийных монахов. Например, в отдельные годы численность послушников и находящихся на испытании в Херсонесском, Георгиевском, Топловском, Козьмо-Дамиановском, Успенском и Катерлезском монастырях превышала численность мантийных и рясофорных иноков (инокинь) в 2 и более раза. Например, в Катерлезской киновии в 1912 г. испытуемые и послушницы составляли 94% (83:5). Это, в свою очередь, не могло не сказаться на монастырской дисциплине и нравственности, влекло за собой неоднократные разборательства по различным чрезвычайным случаям благочинными монастырей и епархиальным начальством.

Сложившаяся ситуация нашла отражение в архивных документах Таврической Духовной Консистории и благочинных монастырей Таврической епархии. В одном из указов Таврической Духовной Консистории отмечается: «В настоящее тревожное время необходимо усилить наблюдение за порядком в управлении монастырями мужскими и женскими, при коих многие, как известно из дел, находятся в расстроенном состоянии. Во многих нет строгого наблюдения за монашескою братиею, случайно пополняющуюся пришлыми из других монастырей и из мира людьми; принимаются без разбора в послушничество приходящие бродяги и скрывающиеся без ведома

настоятеля посетители и гости неизвестного имени и поведения. При такой... [текст утерян – авт.] надзора в настоящее время, когда умножилось повсюду бродяжничество, в монастырях весьма удобно могут укрываться люди неблагонамеренные, не... [текст утерян] и преступных замыслов» [11, л. 10].

В древней византийской и русской истории известны случаи насильственного пострижения или заточения неугодных властям лиц в монастыри, которые расценивались как некие «исправительные учреждения». Однако уже в синодальный период любое принуждение к монашескому постригу квалифицировалось как уголовное преступление. Обеты и требования родителей, обрекающих на постриг детей без согласия последних, не имели силы [31, с. 177]. В то же время в силу особенностей иноческой жизни, оторванной от мирских соблазнов, монастыри XIX в. по-прежнему использовались для наказания и перевоспитания провинившихся священнослужителей из числа белого и черного духовенства. Например, в соответствии с Уставом Духовных Консисторий [31, с. 401] в 1900 г. под надзором настоятеля Георгиевского Балаклавского монастыря пять месяцев отбывал по возложенной епитимьи священник Петро-Павловской церкви с. Громовка Днепровского уезда Евгений Попов, обвиненный в венчании несовершеннолетней, ростовщичестве, вымогательстве и иных негативных поступках [9, л. 25]. В том же году в Козьмо-Дамиановской киновии отбывали различные сроки наказания священник Преображенской Симферопольской церкви Петр Карпов, священник Вознесенской церкви с. Ново-Николаевка Мелитопольского уезда Иаков Федоровский и диакон из с. Князь-Григорьевского Днепропетровского уезда Лаврентий Черняев – все за совершение незаконных браков [12]. В 1904 г. священник Михаил Михайлович Шульга за двоеженство² был предан церковной епитимьи на три года и 6 месяцев с отбытием в Катерлезской киновии [13].

О мягкости наказаний в отношении священнослужителей говорится и в деле священника Фавста Шепетило, препровожденного по возложенной епитимьи в Инкерманскую киновию. Священник обвинялся в избиении послушника Генница и священника Бычковского, вымогательстве дополнительной платы за услуги в праздник Вознесения Господня, остановке богослужения («на вечерней молитве закричал «врете» и набросился на Савву Генница, шумел и отказался служить, ушел в алтарь, снял епитрахий и бросил среди церкви»), пьянстве и ряде других нарушений. Тем не менее, несмотря на то что в постановлении Таврической Консистории констатируется, что действия священника Ф. Шепетило подпадают под статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и он подлежит извержению из священного чина, виновному с учетом возраста был сохранен сан и предписано навсегда оставаться в Инкерманской киновии. В то же время за одно только избиение в

---

² В данном случае имеется в виду «второженство», т.е. второй брак.

соответствии с 25 Апостольским правилом и 3, 32, 51 и 70 правилами Василия Великого, священнослужители подлежат извержению из сана как нарушившие седьмую заповедь. Одновременно, в соответствии со ст. 179 и 180 Устава Духовной Консистории, за произведенное замешательство в церкви, приведшее к остановке богослужения, виновный также должен лишаться священного чина, а согласно ст. 75 Уголовного уложения [28] виновный привлекался к уголовной ответственности. В синодальную эпоху в России извергнутые из сана даже за канонические, а не уголовные преступления, могли занимать должности не выше дьячка. В указанном нами случае виновному должно было грозить как минимум исключение из списка духовного ведомства с серьезными последствиями. Тем не менее священник Шепетило даже после того, как была подтверждена его неспособность даже к иноческой жизни, был направлен на псаломническую должность в одну из сельских церквей [9].

Большинство нарушений монашеской братии, с которыми приходилось бороться благочинным, чаще сводились к пьянству, мелким кражам, самовольным уходам и некоторым нарушениям в процессе богослужения. Пример тому – прошение о прощении пьянства, спаивания братии и самовольный уход иеромонаха Херсонесского монастыря Ираникия [9], материалы расследования в отношении злоупотребления спиртными напитками иеромонаха того же монастыря Игнатия [7], о самовольных уходах послушников Дудзинского, Квитевского и Дышкевича [6], рапорт о пьянстве иеродиакона Катерлезской киновии Евпидия и объяснение игумена о поведении иеродиакона Игнатия [9], рапорта о злоупотреблении спиртными напитками и вымогательстве денег у прихожан иеродиаконом Успенского скита Агафангелом [9; 12], о пьянстве в том же ските иеродиакона Аверия [12] и иеромонахов Балаклавского монастыря Иеремии [4] и Иринарха [3], Указы Консистории в отношении монаха Инкерманской киновии Вонифатия [9], иеродиакона Тихона и монаха Антония из Кизилташской киновии [9]. Во всех случаях нарушители подвергались епитимьи и иным наказаниям.

Среди сведений о кражах наиболее показательны материалы расследования о хищении личных вещей настоятеля Георгиевского Балаклавского монастыря архимандрита Никона иеродиаконом Геннадием [8], о подозрении в хищении имущества иеромонаха Климента дьяконом Инкерманской киновии Афанасием [9]. За непристойное и соблазнительное поведение, самовольную отлучку из обители, ростовщичество в среде братии и роспуск лживых слухов епархиальным архиереем подвергся епитимьи монах Козьмо-Дамиановской киновии Геннадий [12].

Не отличались высокой нравственностью, вероятно, и отдельные настоятели. В письмах благочинному сообщается о настоятеле Кизилташской киновии Николае, который злоупотреблял спиртными напитками, наживался на махинациях с хлебом, и сменившем его игумене Илье, который обращался

грубо с братией, не выдавал должной пищи и одежды, также наживался на махинациях с вином и пр. [9], о притеснениях монашествующих со стороны игумена Георгиевского Балаклавского монастыря Иракарха [2], о присвоении денег игуменом Успенского монастыря архимандритом Николаем [5], о злоупотреблениях, допущенных настоятелем Козьмо-Дамиановской киновии игуменом Андреем [12]. Ряд документов посвящен делу о неблаговидном поведении настоятеля Козьмо-Дамиановской киновии игумена Серапиона. В материалах расследования отмечаются факты длительного проживания на территории мужского монастыря посторонних лиц, ведущих жизнь далеко «не по уставу и подающих братии повод к осуждению и соблазну», снабжение дровами и продуктами, принадлежащими монастырю, родственников, появление в церкви в пьяном виде и издевательства над иеродиаконом, изготовление и потребление шашлыков (монахам запрещено употребление мясной пищи), открытие лавки с товарами (нарушение монашеского принципа нестяжательства) и ряд других нарушений. Впоследствии упорное невыполнение Серапионом предписаний епархиального начальства завершилось его увольнением [12].

Отсутствие надлежащего уставного порядка в крымских монастырях отражено в Указе Таврической Духовной Консистории в 1869 г. В нем отмечаются неоднократные нарушения в части соблюдения монашеских обетов, в области нравственности, дисциплины, распределения, учета и расходования денежных средств и другие нарушения, выявленные в ходе проверки благочинным монастырей [9]. В специальном Указе 1895 г. отмечаются нарушения субординации в порядке подачи жалоб и заявлений священнослужителей и монашествующих светским властям, в обход епархиального управления [9].

Перечисленные факты нарушений иноческих уставов, нравственности, дисциплины и законности в среде братии крымских монастырей не оставались безнаказанными со стороны епархиального начальства. На каждое нарушение, после тщательного расследования, следовала та или иная резолюция архиерея, обеспечивавшая наказание в соответствии со сложившимися церковными правилами вплоть до увольнения, лишения сана и даже закрытия наиболее неблагонадежных киновий. В целом же указанные нарушения не являлись системой и, скорее, были исключением. Жизнь большинства обителей отличалась строгостью и порядком, предусмотренным монастырскими уставами.

Распорядок дня, основанный на Иерусалимском уставе, выглядел так: сутки монахов, по древней традиции, начинались около полуночи. По сигналу колокола в храме начиналась церковная служба, которую по очереди проводили иеромонахи и иеродиаконы. По окончании богослужения отводилось время для поучений настоятеля или назначенного из числа «старшей братии». После полуночи, вернувшись в кельи, выполняли «келейное правило», состоящее из комплекса молитв и поклонов. В пять часов утра после

литургии начиналась утренняя трапеза³. До полудня братия занималась хозяйственными делами и иными послушаниями. После обеденной трапезы послушания продолжались в течение двух-трех часов. Суточный круг завершали часовая (или полуторачасовая) вечерняя служба в храме, ужин и выполнение «общего правила» в церкви, также состоящее из комплекса поклонов и молитв. Отбой в обители наступал примерно в 19 часов [232, с. 255]. Вопросу правильности богослужения уделялось особое внимание, т.к. «Важнейшим предметом внимания монастырского начальства и усердия братии должно быть строгое уставное (по Типикону) церковное богослужение без пропусков и без замены чтением того, что положено петь, и сопровождаемое словом назидания» [23, с. 34]. Все священные действия при литургии строго регламентировались уставом, чином, проследованием, чиноположением и службой Божественной [23, с. 33-43]. Любое дело в монастыре начиналось и заканчивалось молитвой: подготовка пищи, трапеза, работа. Ритуальные требования соблюдались в каждой мелочи: при входе в храм, богослужении, выполнении «общего» и «келейного правила», т.к. не только от искренней веры и смирения, а также от точного исполнения всех уставных предписаний зависело спасение души. Не зря существенная часть упомянутого нами Указа Таврической Духовной Консистории 1869 г. была посвящена выявленным нарушениям и призывам к благочинию во время богослужений [9, л. 4]. О сложности выполнения монастырских уставов говорит тот факт, что, например, в праздничные дни только при выполнении «общего правила» после полуночи инок совершал 150 поклонов и 200 молитв [25, с. 258].

Наиболее проблемным в церковном праве является вопрос собственности. Он разрешался в непосредственной зависимости от государственных законов. После секуляризации земель в 1764 г. российские церковные учреждения, включая монастыри, лишились вотчинного землевладения и могли обладать лишь небольшими ненаселенными участками земли. В то же время Церковь не была ограничена в приобретении движимого имущества и накоплении денежных средств. С точки зрения церковного права «Церковь – богочрежденный институт, происхождение ее неотмирно; но в своей земной части Церковь поставлена в обыкновенные условия жизни и имеет нужду в земных вещественных средствах» [31, с. 377], т.е. культовых зданиях, землях, имуществе и деньгах. Все монастырское имущество делилось на две категории: вещи священные (в т.ч. освященные) – к ним относятся мощи, иконы, Евангелие, покровы священных сосудов, храмы, часовни, купели, лампы, книги, колокола и пр.; и вещи церковные – недвижимость (кроме освященной), земля,

³ Со временем в отдельных монастырях России, ввиду географического положения, сложилась практика проводить полуночицу в 4-5 часов утра, а утренняя Божественная Литургия переносилась на 6.00–6.30.

деньги и пр. Все имущество могло приобретаться либо путем получения от государства, от частных дарителей, либо за собственные средства. В то же время, еще по древним церковным правилам, священное или освященное имущество, независимо от того, каким путем оно приобретено, не могло быть использовано в иных целях, за исключением выкупа пленных христиан. Законами Российской империи однозначно применялись суровые виды наказания к похитившим или уничтожившим любое церковное имущество [27, с. 226-231, ст. 241-255]. Все эти действия относились к разряду уголовных преступлений против веры. Тем не менее, в конце XIX – начале XX вв. состояние правопорядка в империи настолько пошатнулось, что даже церковные святыни перестали быть в безопасности. В связи с участившимися случаями хищений церковного имущества 22 мая 1905 г. был издан Указ Таврической Духовной Консистории № 2591, в котором приходским священникам и настоятелям монастырей предписывалось обеспечить сохранность церковного имущества, нанимать «добрых сторожей» и пр. Даже иконы, кресты и иные наиболее ценные вещи предписывалось сразу после службы уносить и прятать [13].

Вопрос собственности, в первую очередь земельной, имел огромное значение для монастырей. При этом надо учесть, что большинство крымских монастырей являлось штатными, т.е. лишенными государственной поддержки. Ограничения в праве на земельную собственность после секуляризации церковных и монастырских земель Екатериной II во второй половине XIX в., вероятно, уже не практиковались. В целом, не считая земли, приписанной к архиерейскому дому, в конце XIX века крымские обитатели располагали собственностью в 6100 десятин земли. Это 0,8% от всех монастырских земель России [22, с. 405]. Основная ее часть была получена в виде дарений от частных лиц или обществ. В то же время земли, выделенные на обзаведение монастырям из государственного фонда, составляли всего 9,2%, причем основная их часть принадлежала Балаклавскому Георгиевскому первоклассному штатному монастырю. Касаясь вопросов имущества, необходимо учесть, что согласно Уставу Василия Великого и шестому правилу Двукратного Собора [31, с. 179] монахи не могли иметь личной собственности; все имущество, внесенное ими в монастырь, принадлежало монастырю. Поэтому по российским законам до пострижения послушники были обязаны распорядиться своим имуществом по собственному усмотрению. За иноками не признавалось права на завещание или права получения наследства по завещанию [31, с. 179]. Некоторое исключение делалось только для настоятелей штатных монастырей: они имели право распоряжаться своим имуществом, за исключением вещей ризницы. Эти вещи, даже приобретенные за личные средства, передавались монастырю. Среди собственности, которой владел монастырь, следует выделять имущество священное или освященное, которое, по правилам Церкви, может использоваться только в культовых целях.

Часто статьей дохода монастырей становилось имущество ищущих пострижения как, например, помещицы А.А. Ламбири (Зотовой), передавшей 250 десятин земли Троице-Параскевинской обители, монаха Каллиника, передавшего монастырю 44 десятины принадлежавшей ему земли [29, с. 163]. Использовали личные средства для строительства монастырских церквей настоятели Херсонесского монастыря Василий и Козьмо-Дамиановской киновии Макарий. Дорогостоящими иконами обеспечил монастырский храм настоятель Балаклавского монастыря митрополит Агафангел. Российское законодательство гарантировало монастырям широкие льготы в области налогообложения. От поземельного сбора освобождались монастырские землевладения, данные правительством [28, Свод уставов о повинностях, ст. 50], и любая недвижимая собственность, которая не приносит доходов [28, там же, ст. 51]. Именно такие земли в крымских условиях составляли большинство монастырских владений. Например, в Балаклавском и Кизилташском монастырях непригодные к обработке земли составляли 97%. В безраздельном пользовании монастырей находились и выделенные им лесные участки [28, Свод Учреждений и Уставов лесных, ст. 519]. От налога на недвижимость в городах освобождались любые монастырские постройки, не имеющие дохода от сдачи их в наем [28, Устав о прямых налогах, ст. 83]. Впрочем, монастырские строения, по имеющимся у нас сведениям, в городах Крыма в наем не сдавались, за исключением двух домов в Севастополе. Но и здесь имела своя выгода: город Севастополь освобождался от налога на недвижимое имущество [28, Устав о прямых налогах, ст. 84 прим.].

Всем монахам запрещалась торговля, за исключением предметов культа или изготовленных их собственными руками с разрешения начальства. Любые заведения по изготовлению и реализации литературы духовно-нравственного содержания, свечей, икон, лампадного масла и т.п. также освобождались от налогов [28, Устав о прямых налогах, ст. 371]. На примерах Топловского и Козьмо-Дамиановского женских монастырей можно судить о размахе ремесленного производства умелиц-инокинь [29, с. 159, 165]. Беспшлинная торговля предметами культа и изделиями мастерских составляла значительную долю дохода обителей. Надо отметить, что льготная налоговая политика XIX в. существенно отличалась от более рационального подхода к монастырским доходам во времена Петра I.

От пошлины освобождались имущества, поступившие монастырям от обществ и частных лиц [28, Свод Уставов о пошлинах, ст. 202], и денежные оклады монашествующих, получаемые, например, в штатных монастырях [28, там же, ст. 298]. Более того, монастыри освобождались и от акцизных сборов на изготовление спиртных напитков [28, Свод Уставов об акцизных сборах, ст. 125]. Таким образом российское налоговое законодательство предоставляло широкие льготы монастырским хозяйствам, позволяющие при умелом

управлении обеспечить их безбедное существование. Исключая средства, отпускаемые на содержание первоклассных монастырей, среднегодовой доход крымских обителей в XIX в. составлял более 185 тысяч рублей [29, с. 184].

Таким образом монастыри, составлявшие экономическую опору российской православной церкви, в период абсолютной монархии и укрепления централизованного государства лишились самостоятельности, оказались под полным контролем и управлением высших государственных чиновников. Только к середине XIX в., когда абсолютная монархия ослабла и вступила в фазу буржуазных реформ, были сняты и некоторые препоны в деятельности церкви. К этому времени она уже не представляла конкуренции императорской власти, а могла быть лишь ее идеологической опорой. Именно с этого момента начинается новый виток поддержки монашества императорской властью, его стимулирования за счет льгот в области налогообложения, а со стороны церкви и, в частности, монастырей новый этап накопления движимого и недвижимого имущества, экономической независимости, а значит, и влияния среди населения. Судя по росту численности братии, определенному подъему авторитета монастырей способствовала экономическая и политическая нестабильность в самом государстве, т.е. социумные детерминанты. Особенно показателен при этом прилив в монастыри женщин. Если в 60-70-х гг. XIX в. все крымские монастыри были мужскими, то в конце столетия открываются три женских обители.

Одновременно можно отметить, что жизнь в православных обителях последней четверти XIX в. становится все более насыщена негативными явлениями. Монастыри оказались далеко не столь оторванными от мирской жизни, как это должно было быть. Несмотря на меры, принимаемые епархиальным начальством и благочинными, кризисная ситуация в империи существенно отразилась и на нравственных устоях монастырской братии, количестве нравственных проступков и чисто светских нарушений. В то же время наказания в отношении священников или монашествующих носят в соответствии с церковным правом больше моральный характер, предполагая ценность духовного осознания греха.

На примере крымских монастырей мы рассмотрели основные положения внешнего церковного права, опиравшегося на законы Российской империи, определявшие статус обителей, права и обязанности иноков по отношению к государству и обществу. Внутреннее церковное право, сформированное на основе вероучения, древних уставов и традиций, внутренних постановлений, определяло морально-этические принципы общежития, дисциплину, порядок проведения церковного богослужения. В итоге церковное право регулировало все стороны жизни и деятельность монашества во второй половине XIX в. Причем следует подчеркнуть, что акцент в церковной правовой системе был сделан на так называемое «внешнее» право, т.е. стороны жизни монашества, определенные государственными законами.

Настоящий анализ, на наш взгляд, интересен в части изучения методов урегулирования отношений как внутри общины, так и в разрешении вопросов между религиозными общинами и государством, включая вопросы собственности. Церковь относит храмы к разряду освященного имущества, это дает ей основания в настоящее время требовать возвращения культовых зданий. Одновременно, исходя из понимания священного имущества, церковь пытается вернуть отдельные ритуальные вещи, которые оказались в распоряжении, например, музеев. Интерес представляет и отношение государства к недвижимому имуществу церкви. Если в период абсолютной монархии принимались меры к сокращению земельных владений, то уже в конце XIX ст. под воздействием кризисных явлений самодержавие, опираясь на православную церковь, способствует расширению церковных и, в частности, монастырских угодий, сохраняя при этом широкие льготы в области налогообложения. При этом следует отметить главную особенность в отношениях государства и церкви, включая монастыри – право контроля за деятельностью религиозных организаций государственным аппаратом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856-1904 гг. СПб., 2006.
2. ГААРК. Ф. 118. Таврическая духовная консистория, оп. 1, д. 5762. О притеснениях игуменом Иринархом чинимых иеромонаху Клименту. 1848.
3. ГААРК. Ф. 118. Таврическая духовная консистория, оп. 1, д. 5808. О нетрезвой жизни иеромонаха Георгиевского Балаклавского монастыря Иринарха. 1851.
4. ГААРК. Ф. 118. Таврическая духовная консистория, оп. 1, д. 5837. О нетрезвой жизни монаха Иеремии. 1854.
5. ГААРК. Ф. 118. Таврическая духовная консистория, оп. 1, д. 5874. Об обвинении рясофорным монахом Успенского скита Авраимом архимандрита Николая в присвоении чужих денег. 1856-1857.
6. ГААРК. Ф. 118. Таврическая духовная консистория, оп. 1, д. 5894. Об обвинении настоятеля Херсонесской киновии иеромонахом Евгением послушников С. Дудинского, С. Квитчевского и А. Дымкевича в самовольных отлучках. 1857-1858.
7. ГААРК. Ф. 118. Таврическая духовная консистория, оп. 1, д. 6602. Об обвинении иеромонахом Херсонесского монастыря Андреем иеромонаха Игнатия в нетрезвом образе жизни. 1878.
8. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 1. О похищении протодьяконом Геннадием у архимандрита разных вещей. 1868-1870.
9. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 3. О разных плохих поступках монахов и монахинь. Прием разных лиц в монастыри и др. 1905.
10. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 4. Разрешение добывать и продавать соль Корсуньскому монастырю. 1869-1901.
11. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 13. О неподчинении монахинь Топловского монастыря своему начальству. 1877.
12. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 18. Присяга монахов и монахинь на верноподданство Николаю II. О беспорядках в монастырях. Рапорта настоятелей по разным вопросам. 1893-1900.

13. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 26. Об усилении наблюдения за порядком управления монастырями и об усилении духовной пропаганды. 1905-1907.
14. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 35. Доклад о проделанной ревизии монастырей. О принятии разных лиц в монашество. Сборы денег. Проступки монахов и монахинь. 1909.
15. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 41. Сведения о состоянии и работе монастырей. Ведомости о лицах духовного звания. 1912-1914.
16. Древние иноческие уставы. М., 1892.
17. Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М., 2006.
18. Катунин Ю.А. Из истории христианства в Крыму. Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX века). Симферополь, 1995.
19. Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000.
20. Лебединцев А., протоиерей. Столетие церковной жизни Крыма 1783-1883 гг. // ЗООИД. Одесса, 1883. № 11.
21. Маркевич А. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, Архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. Симферополь, 1901. Вып. 31.
22. Никольский Н.М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1983.
23. Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о монастырях и монашествующих. 31 августа (13 сентября) 1918 г. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. М., 1994. Вып. 4.
24. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 6 – 1720-1722; Т. 16 – 1762-1765; Т. 19 – 1770-1774; Т. 21 – 1791-1783.
25. Прошин Г.Г. Черное воинство. М., 1985.
26. Родионов М. Статистико-хронологическое-историческое описание Таврической епархии. Общий и частный обзор. Симферополь, 1872.
27. Российское законодательство X-XX веков: В 9-ти т. / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1988. Т. 6.
28. Свод законов Российской империи (неофициальное издание). 4-е изд. СПб., 1904.
29. Тур В.Г. Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX вв. Киев, 2006.
30. Христианство. Энциклопедический словарь: В 3-х т. / Ред. С.С. Аверинцева. М., 1993 – Т. 1; 1995 – Т. 2; 3.
31. Цыпин В.А. Церковное право. 2-е изд. М., 1996.

Тур В.Г.

Нормы церковного права в регламентации деятельности крымских православных монастырей XIX века

Резюме

Статья посвящена изучению норм церковного права, сформировавшегося в православной церкви России в XIX в. Анализ основных положений проводится, опираясь на архивные документы, отражающие историю монастырей Таврической епархии. Автор приходит к выводу о том, что нормы внешнего церковного права Синодального периода доминируют над правилами внутренними. Следствием этого становится восприимчивость монастырских общин к кризисным явлениям в государстве на рубеже XIX–XX вв. Это привело, на фоне увеличения числа обитателей, к падению нравственных устоев, дисциплины среди монашествующих и клириков.

Тур В.Г.

Норми церковного права в регламентації діяльності кримських православних монастирів XIX століття

Резюме

Стаття присвячена вивченню норм церковного права, що сформувалося в православній церкві Росії в XIX ст. Аналіз основних положень проводиться, спираючись на архівні документи, що відображають історію монастирів Таврійської єпархії. Автор приходить до висновку про те, що норми зовнішнього церковного права Синодного періоду домінують над правилами внутрішніми. Наслідком цього стає сприйнятливість монастирських общин до кризисних явищ в державі на рубежі XIX–XX ст. Це привело, на тлі збільшення числа обитателей, до падіння моральних норм, дисципліни серед монахів і кліриків.

Tur V. G.

Norms of Ecclesiastical Law in Regulating Activities of Crimean Orthodox Monasteries of the 19th Century

Summary

The article is devoted to studying the norms of ecclesiastic law formed in Orthodox Church of Russia in the 19th century. The analysis of fundamental regulations is given on the basis of archive documents reflecting the history of monasteries of Taurida eparchy. The author comes to the conclusion that the norms of external ecclesiastic law of Synodal period dominate over the internal ones. Sensitivity of monastery communities to crisis phenomena in the country at the turn of the 19th – 20th centuries became the consequence of it. It resulted in the fall of moral principles and discipline among clergymen and monks against the background of increasing number of members of monasteries.